

ном». У нас вариант такого понимания – в известных работах **Б.О.Кормана**; см., например, его ст. «Заметки о точке зрения» в кн.: «Жанр и композиция литературного произведения». // Межвузовский сборник, вып II, Калининград. 1976. С. 13-19.

5. **Deickmann E.** Erzälformen im Fruhwerk L.N.Tolstojs. 1847-1851ü. – Berlin: Akademie-Verlag, 1969.
6. **Чехов А.П.** Собр. соч.: В 8 т. – Т.6. – М.: Правда. 1970. С. 224.
7. **Чехов А.П.** Собр. соч.: В 8 т. – М.: Правда. 1970. С. 481.
8. **Тургенев И.С.** Собр. соч.: В 6 т. – Т.1. – М.: Правда. 1968. С.59, 64.
9. **Тургенев И.С.** Собр. соч.: В 6 т. – Т.4. – М.: Правда. 1968. С.282, 289.
10. **Поспелов Г.Н.** Проблемы исторического развития литературы. – М.: Просвещение. 1972. Гл. 3.

SUMMARY

The author's idea as a system of author's position artistically expressed in an epic literary work and narration as an author's or personificated narrator's speech are independent and simultaneously closely connected categories.

The article is aimed at revealing the dialectics of this interconnection.

УДК 882.07

Е.Ю.Муратова

Методические аспекты изучения поэтики Марины Цветаевой в курсе "Лингвистический анализ текста"

Курс "Лингвистический анализ текста" предполагает развитие навыков комплексного исследования литературных произведений разных жанров. Главная задача лингвоанализа – изучение в художественном тексте языковых явлений и определение их роли в раскрытии содержания произведения. При этом анализ может быть полным или частичным, а иногда анализируются только те языковые приемы, которые наиболее интересны у конкретного автора в конкретном произведении.

В данной статье предлагаются методические рекомендации к практическим занятиям по лингвистическому анализу выразительных средств и приемов в языке Марины Цветаевой.

"Поэтику Цветаевой можно характеризовать как поэтику предельности (предел предстает решающим испытанием и условием перехода в иное состояние), как поэтику изменчивости и превращений (изменения приближают к пределу), поэтику контраста (противоречие является причиной изменений)" [1]. Соответственно важнейшими поэтическими приемами (тропами) в творчестве Цветаевой являются, на наш взгляд, антитеза, гиперболы и оксюморон.

На одном из практических занятий после прочтения стихотворений, рекомендованных преподавателем, студенты приходят к выводу, что антитеза в творчестве Цветаевой базируется на различного рода оппозициях: семантических, грамматических, стилистических, семантико-стили-

тических. Например, семантическое противопоставление: “Думаю о своей последней книге. Поскольку предыдущая (“Ремесло”) — звонка, поскольку эта — глуха. Та — вся — высь. эта — вся — вглубь”.

Грамматическое противопоставление (оппозиция форм ед. и мн. числа существительного):

*“Так писем не ждут,
Так ждут — письма”*

Стилистическое противопоставление (стилистически высокого “житие” и просторечного “жисть”):

*“Житие — не жисть!
— Разучился грызть!”*

Семантико-стилистическое противопоставление:

“Говорим, почти громко. Он гладит, я говорю ему о своём отношении — делении мира на два класса: брюха — и духа. Говорим долго, ибо гладит — долго”. Как видим, любая оппозиция “работает” в первую очередь на смысл высказывания. Так, в последнем примере стилистически сниженное, просторечное слово “брюхо” до предела усиливает противопоставление, о котором говорит Цветаева: деление мира у неё не просто на думающих и жующих, ибо далеко не все думающие — духовны, а деление именно на “высь” (дух) и бездуховную заземлённость (брюхо).

Еще более интересны выводы будущих филологов в том, что гипербола наиболее ярко отражает творческий и жизненный максимализм Цветаевой. Она “не боится впустить в себя стихию и не боится быть разорванной ею на куски” [2]. В её стихах и прозе можно наблюдать гиперболизацию самых разных явлений, понятий, чувств:

*—Тише тихого!
—Дольше длинного!*

Вдрогнешь — и горы с плеч

*С фонарём обшарьте
Весь подлунный свет*

Гораздо труднее дается студентам понимание роли оксюморона в творчестве поэта, так как оксюморон наиболее точно отражает не просто внутренний мир Цветаевой, а вообще способ её мышления и видения мира. Часто только при помощи такого кажущегося на первый взгляд противоречия, парадоксальности высказывания, нонсенса она и может попытаться выразить (попытаться, ибо — “Для меня все слова малы!”) самые глубины своей души, то, что не укладывается в рамки обычных смыслов и правил, и что, тем не менее, является для неё гармоничным, естественным и единственно возможным. Приведём в качестве примера к сказанному отрывок из последних её писем к Бахраху, в котором она говорит о своей любви к другому мужчине: “Милый друг, я очень несчастна... Я рассталась с *тем*, любя и любимая, в полный разгар любви, не рассталась — оторвалась! В полный разгар любви, *без надежды* на встречу. Разбив и его, и свою жизнь. Любить сама не могу, ибо люблю его, и не хочу, ибо люблю его. Ничего не хочу, кроме него, а его *никогда не будет*. Это такое первое расставание за жизнь, потому что, любя, захотел всего: *жизни*: простой совместной жизни, то, о чём никогда не “догадывался” никто из меня любивших. — Будь моей. — И моё: — увы!—”

Противоречие, доведённое почти до абсурда: любить сама не могу, ибо люблю. Но именно это противоречие приоткрывает её внутренний мир: любить, как она хочет, т.е. Душой, не *здесь*, а *там*, в “мире её про-

сторов" или хотя бы и *здесь*, и *там* — так не может, ибо любит его именно *здесь*, в "мире страстей", любит как обычная земная женщина и хочет от него сына ("Этого сына я /боясь!/ желала страстно"). Но её истинный мир ему совершенно не нужен, поэтому и о стихах в этом же письме: "...вне меня (живой) они ему не нужны (любит Гумелёва, я — не его поэт!)", поэтому, любя, не понял её и "захотел всего: жизни". И поэтому горький вывод Цветаевой в конце письма: "Я ничего для него не могу, я могу только одно для него: не быть".

Очень интересно и плодотворно проходят занятия по анализу других тропов, широко используемых Цветаевой, — эпитетов, метафор, сравнений и т.п. Здесь студентам предлагается найти выразительные художественные средства, используемые поэтом, определить их семантические, грамматические и стилистические особенности, а так же художественную и смысловую задачу, которую они выполняют в каждом конкретном контексте. В ходе выполнения этих заданий студенты делают выводы о том, что Цветаева всегда умеет найти точные, необычные и глубинные в своей необычности эпитеты: "...вместе бродили по последней Москве...", "Она — героиня, но героиня впустую.", "...в плотную-любви в пять секунд узнаёшь человека..."

Страстная эмоциональность её речи проявляется в градационном ряду сравнений, образов, эпитетов: "Потому что любовь — тоска: из кожи, из жил, из последней души — к другому. Это протянутые руки, всегда руки: дающие, ждущие, бросающие, закручивающиеся вокруг Вашей шеи, безумные, щедрые, бедные, заломленные..."

Метафора у Цветаевой всегда живописна, но подчинена она в первую очередь раскрытию мысли, сложность и глубина которой подчёркивается и усиливается метафорическими образами и сравнениями: "Думаю иногда: кто же будет той последней каплей горечи, превратившей меня в насыщенный (ею) раствор?"

Иногда целое стихотворение представляет собой одну развёрнутую метафору:

*Вскрыла жилы: неостановимо,
Невосстановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки!
Всякая тарелка будет мелкой,
Миска — плоской.
Через край — и мимо —
В землю чёрную, питать тростник.
Невозвратно, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих.*

Необходимо обратить внимание студентов на активную роль звукописи в словесной организации стиха М. Цветаевой. Цветаевская звукопись не совсем обычна. Очень редко в её стихах можно наблюдать явное соответствие фонетического состава фразы изображаемому явлению: ожидаемое соответствие почти никогда не лежит на поверхности стиха, оно непрямолинейно и сложно. Например, в "Поэме горы":

*Гора горевала / а горы глиной
Горькой горюют в часы разлук /,
Гора горевала о голубиной
Нежности наших безвестных утр.*

...
*Горе началось с горы.
Та гора мне — надгробием.*

Повторение звуков "р" и "г", из которых складывается "горе" и "гора", усиливает тему расставания именно как горя, прощания, потери. При этом учётом и реальность описываемых чувств и обстоятельств: "Поэму горы" Цветаева писала в Праге в 1924 году как поэму расставания. (Гора - Петршин холм, где она жила).

Объяснить осмысленность аллитераций у Цветаевой бывает очень сложно по причине глубины ассоциаций самого поэта, а также в силу разности восприятия и неоднозначности ассоциаций у читателя. Например:

*Не задумана старожилом!
Отпусти к берегам чужим!
Жизнь, ты явно рифмуешь с жиром.
Жизнь: держи его! жизнь: нажим.*

*Жестоки у ножных костяшек
Кольца, в кость проникает ржа!
Жизнь: ножи, на которых пляшет
Любящая,*

— Заждалась ножа!

Насыщенность аллитерациями и ассонансами создаёт звуко-смысловой фон, выделяя определённые строки и усиливая их выразительность:

*Пунш и полночь. Пунш — и Пушкин,
Пунш — и пенковая трубка
Пышущая.*

Или:

*Утоли мою душу! / Нельзя, не коснувшись уст,
Утолить нашу душу! / Нельзя, припадая к устам,
Не припасть и к Психее, порхающей гостье уст...
Утоли мою душу: итак, утоли уста.*

Здесь повторение гласного "у" усиливает содержательный аспект и выполняет важную эмоционально-эстетическую функцию, создавая музыкальную основу стихотворения.

Специфика цветаевского синтаксиса может быть проанализирована при помощи конкретных вопросов и заданий. Студентам предлагается найти синтаксические, строфические, ритмические параллелизмы, а также определить роль безглагольности многих строк и целых стихотворений в поэтике Цветаевой, например,

*Сердцу — ад и алтарь,
Сердцу — рай и позор!
Кто — отец? Может — царь,
Может — царь, может — вор.*

Или:

*Зверю — берлога,
Страннику — дорога,
Мёртвому — дроги.
Каждому — своё.*

Необходимо обратить внимание студентов на то, как Цветаева использует сбой ритма, позицию переноса, т.е. "перенос части синтаксически целой фразы из одной стихотворной строки в другую, вызванный несопадением заканчивающей строку постоянной ритмической паузы с паузой смысловой (синтаксической)" [3]. Например, стихотворение "Попытка ревности" почти всё построена на позиции переноса:

*Как живётся вам с простою
Женщиною? Без божеств?*

...

*Как живётся вам с товаром
Рыночным? Оброк — крутой?*

...

*Как живётся вам с трухой
Гипсовой? / Из глыбы высечен
Бог — и начисто разбит! /*

...

*Как живётся вам с земною
женщиною, без шестых
Чувств?..*

При таком построении стиха происходит перераспределение в интонационном членении предложения, а именно — наблюдается интонационное выделение слова в конце предложения стихотворной строки. Ритмическое выделение слова ведёт к специфическому раздельному его восприятию, в результате которого сплетаются воедино многочисленные ассоциации, и само слово предстаёт как пучок ассоциаций и коннотаций, что ведёт к обогащению его семантики, а часто и к грамматической трансформации (например, превращение служебных слов в знаменательные в позиции переноса).

Чтобы помочь студентам увидеть и осмыслить другие художественные приемы, используемые Цветаевой, им предлагается ряд заданий на материале специально подобранных стихотворений поэта:

1. Найти квазиомонимы в контексте и определить их художественную роль.
2. Найти случаи расщепления слов и актуализации морфем.
3. Найти тавтологические сочетания, сознательно используемые поэтом, определить их художественную роль в контексте.

В ходе выполнения этих заданий студенты делают выводы о том, что яркой приметой индивидуального стиля Цветаевой является обилие квазиомонимов — слов, различающихся только одним звуком. Их паронимическое сближение мотивируется содержанием контекста и усиливает его восприятие:

*Здесь, меж вами: домами, деньгами, дымами,
Дамами, думами.*

Встречаются и акцентологические квазиомонимы:

*Восхищенной и восхищённой,
Сны видящей среди бела дня,
Всё спящей видели меня,
Никто меня не видел сонной.*

Или: “Сейчас иду к русской обедне, первые полчаса буду восхищена и восхищёна, вторые буду думать о своём...”

Часто в её стихах можно наблюдать перестановку букв, звуков, слогов:

*Лютая юдоль,
Дольная любовь.*

*Под твоим перстом, что господень хлеб,
Перемалываюсь, переламываюсь.*

Нужно отметить ещё один характерный приём поэтики Цветаевой — расщепление слов, актуализация морфем. Здесь выделяются:

а) обратная деривация, т.е. превращение морфем в слова:

Совсем ушёл. Со всем ушёл.

б) вычленение из слова комплекса звуков, границы которого не совпадают с границей морфем:

Сверхбесмысленнейшее слово:

Рас-стаёмся. — Одна из ста?

в) намеренное выделение определённых морфем или слогов в слове:

Рас-стояние: вёрсты, мили...

Нас рас-ставили, рас-садили,

Чтобы тихо себя вели

Под двум разным концам земли.

При этом морфологическое или слоговое членение слова часто происходит в позиции переноса:

Как из моря из Каспий-

ского — синего плаща...

Особенностью стиля Цветаевой является повтор однокоренных слов, сознательно используемый ею либо с целью предельной интенсификации признака, либо как средство противопоставления понятий и явлений:

Он был любовником любви.

Испепеляющий. Испепелённый.

Два на миру у меня врага,

Два близнеца — неравно спитых:

Голод голодных — сытость сытых!

Как правило, в пределах одного стихотворения или прозаического текста Цветаева использует одновременно разные приёмы:

Шестикрылая, ра-душная,

Между мнимыми — ниц! — сущая,

Не задушена вашими тушами,

Ду-ша!

Все сказанное выше — лишь “вершина айсберга”, название которому — творчество Марины Цветаевой. “Поэт, пишущий прозу, остается поэтом, перебирает слова, любит созвучиями, сводит их и разводит и выносит напоказ свои этюды, чуть ли не черновики. Новый способ разговора с читателем” [2]. Именно поэтому стихи и проза Цветаевой представляют собой благодатный материал, который можно и должно использовать в курсе “Лингвистический анализ текста”, конечная цель которого — развитие чувства языка, лингвистического мышления, умения видеть и чувствовать Слово.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зубова Л.В.* Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. Л. 1989. С. 4.
2. *Цветаева М.И.* Об искусстве. М. 1991. С.27.
3. *Тимофеев Л.И., Тураев С.В.* Словарь литературоведческих терминов. 1974. С.89.

SUMMARY

This article is devoted to methodic of linguistic analysis of expressive means and methods in the language of Marina Tsvetayva.